

(Перевод: Ориана)

Знакомые звуки.

Кто-то энергично стучит по металлическим дверям, в камерах ревут заключенные там свирепые стальные звери... Новички, добро пожаловать в тюрьму №18!

Цин Чэнь сел на жесткой дощатой кровати, на его лице появилась легкая улыбка.

Он повторил про себя: новички, добро пожаловать в тюрьму №18.

По какой-то причине, в тот момент, когда Цин Чэнь снова переместился сюда, он ясно почувствовал радость и волнение в своем сердце.

Здесь люди, с которыми он знаком, правила, с которыми он знаком, и его надежда на будущее.

Как если бы он принадлежал внутреннему миру, а не внешнему.

Нет прошлого, о котором он не хотел бы вспоминать, и нет людей, о которых нужно беспокоиться.

Ему просто нужно идти вперед, куда бы он ни пошел, любое направление будет новым.

Он взглянул на свою руку и оцепенел.

Обратный отсчет 160:20:09.

За вычетом времени, которое он спал, обратный отсчет составляет семь дней!

Это было так неожиданно. Цин Чэнь даже привык к 48-часовому обратному отсчету, но правила внезапно изменились.

Почему?

Какая тут закономерность?

Похоже, правила перемещений все еще нуждаются в изучении.

Цин Чэнь подошел к металлической двери, и дверь открылась в ответ, словно приветствуя его.

Когда заключенные увидели его в коридоре, они слегка поклонились, приветствуя его.

По сравнению с внешним миром это больше похоже на его домашнее поле.

Цин Чэнь стоял в коридоре. Он на расстоянии подал знак Лу Гуаньи, и тот сразу понял.

После того, как все заключенные выстроились в очередь, чтобы спуститься вниз, Лу Гуаньи немедленно начал брать под контроль новых заключенных.

В данный момент Ли Шутон также не возражал против действий Лу Гуаньи и, казалось, хотел посмотреть, что собирается делать Цин Чэнь.

Сегодня прибыли семь новых заключенных.

Когда Лу Гуаньи поймал новых заключенных, шестеро из них, казалось, попали в тюрьму во второй раз и решили напрямую принять свою судьбу.

Опытные заключенные знали, что лучше потерпеть, а если сопротивляться – может быть только хуже.

Однако, когда Лу Гуаньи ловил последнего новенького, тот продолжал уворачиваться.

Но у этого заключенного нет никаких механических конечностей, как с его обычной физической подготовкой он мог убежать от этих стальных зверей?

Когда Лу Гуаньи уже собирался его поймать, новый заключенный забеспокоился: «Не трогай батьку! Зачем хватаешь батьку? Отстань от батьки!»

Этот парень пытался избежать того, чтобы его схватили, и непрерывно ругался: «Не связывайся с батькой! Да ты от одной батькиной пощечины сдохнешь, ты, выкидыш!»

Цин Чэнь: «???»

Он был ошеломлен аутентичным чуаньчжоуским диалектом. Надо сказать, что во внутреннем мире нет диалектов, все люди говорят на мандаринском!

(п.п. – Чуаньчжоу здесь соответствует провинции Сычуань, название образовано тем же способом, что и названия городов, «откусыванием» одного иероглифа с добавлением «чжоу» – провинция. В оригинале этот человек говорит на сычуаньском диалекте, где куча слов либо произносятся с другим тоном, либо имеют другое значение. Тем, кто знает только мандаринский (официальный язык Китая), понять его достаточно сложно)

Не только Цин Чэнь был ошеломлен, но даже Лу Гуань и остальные выглядели ошарашенными: «Черт, о чем говорит этот щенок? Вы что-нибудь поняли?»

Все обменялись растерянными взглядами: «Я примерно понимаю, но не до конца».

Когда весь мир говорит на одном языке, диалекты кажутся такими неуместными...

Это путешественник!

Поскольку сам Цин Чэнь говорил на мандаринском, в Лочэне мандаринский также относительно распространен, поэтому он раньше не осознавал, что диалект – это самая большая скрытая опасность, раскрывающая существование внешнего мира...

В этот момент Цин Чэнь даже мог представить, в какой ситуации окажутся эти путешественники, говорящие на диалекте.

Но как этот парень с полным ртом чуаньчжоуских слов мог попасть в тюрьму №18? Согласно правилу, выведенному Цин Чэнем и Хэ Сяосяо ранее, в стране всего 19 городов, где появляется много путешественников, и путешественники из одного и того же места попадают в одно и то же место.

Поэтому в город 18 должны попадать только люди из Лочэна.

Неужели есть проблема с правилом, которое он обобщил? Или точки перехода являются случайными?

Нет, должны быть особые обстоятельства.

Он взглянул на троих людей внизу, на Ли Шутона и остальных, их лица явно изменились, все они стали серьезными.

Цин Чэнь чувствовал, что они не дураки и определенно смогли что-то обнаружить в этих последовательных происшествиях.

Это вопрос времени, когда люди во внутреннем мире узнают о внешнем мире, потому что путешественников слишком много!

Увидев суматоху неподалеку, Ли Шутон повернулся к Линь Сяосяо и сказал: «Поймай его и тщательно допроси, а также Хуан Цзисяня и Лю Дэчжу, которые прибыли раньше. Я думаю, что они могут быть из одного и того же места».

«Понятно», – серьезно сказал Линь Сяосяо.

Благодаря своеобразному чуаньчжоускому диалекту Ли Шутон связал воедино все странности, происходившие за этот период времени.

На этот раз он больше не сидел сложа руки, а прямо позволил Линь Сяосяо действовать.

После этих слов человек из Чуаньчжоу упал, погрузившись в кошмарный сон.

Линь Сяосяо подошел к Лу Гуаньи и спокойно сказал: «Уйди с дороги, отдай его мне».

Однако даже перед лицом такого человека, как Линь Сяосяо, Лу Гуаньи скрепя сердце сказал: «Если наш босс разрешит».

С этими словами Лу Гуаньи повернул голову и посмотрел на Цин Чэня, который все еще находился в тени коридора на третьем этаже.

Заключенные были ошеломлены. Разве Лу Гуаньи сам не босс? Почему есть еще босс?

Только в этот момент заключенные вокруг Лу Гуаньи поняли, что Цин Чэнь был не просто везучим парнем, который случайно познакомился с Ли Шутоном.

Он сам по себе является истинным богом.

Его фамилия Цин, и он босс Лу Гуаньи!

При мысли об этом, у многих заключенных, которые хотели раньше воспользоваться Цин Чэнем, по коже пробежал холодок.

Пока люди живут на восточном континенте внутреннего мира, никто не может игнорировать такого гиганта, как клан Цин.

Это эпоха, когда каждый может жить только в тени пяти консорциумов.

Если ничего не происходит, все живут счастливо.

Но когда они действительно столкнутся с этим гигантом, все вспомнят ужас своей жизни оказаться во власти консорциума.

Никто не сможет спастись.

Линь Сяосяо посмотрел на Лу Гуаньи и, улыбнувшись, сказал: «Ты знаешь, кто мой босс, и все же осмеливаешься останавливать меня, впрочем, несгибаемость – это хорошо».

Цин Чэнь не хотел ставить Лу Гуаньи в неловкое положение, поэтому кивнул головой, давая знак пропустить его.

Линь Сяосяо потеснил толпу и вышел, неся уроженца Чуаньчжоу одной рукой.

Цин Чэнь увидел, что тяжелые тюремные ворота из сплава медленно поднялись перед Линь Сяосяо, а затем медленно закрылись, когда он прошел.

Похоже, что Ли Шутон и его люди могут свободно входить и выходить из тюрьмы № 18!

Но поскольку они могут свободно приходить и уходить, почему они не уйдут отсюда?

Он не спеша спустился вниз и сел напротив Ли Шутона: «Куда делся Линь Сяосяо?»

«Произошло кое-что необычное, – медленно произнес Ли Шутон, взяв на руки большого кота, – хотя сейчас я не могу понять, что именно, это должно быть что-то за пределами моего воображения. И это как-то связано с определенными людьми».

Услышав это, Цин Чэнь долгое время молчал.

В этот момент Цин Чэнь понял, что у него осталось не так много времени.

Не говоря уже о парне из Чуаньчжоу, один только Лю Дэчжу определенно не смог бы устоять перед допросом Линь Сяосяо.

Разоблачение внешнего мира неизбежно, и это произойдет скоро.

Но он ничего не мог сделать.

У него есть ноты Канона, но он очень хорошо знал, что перед таким прямолинейным человеком, как Ли Шутон, ноты его не спасут.

Цин Чэнь мог только ждать.